

© 2013 г.

Виктор Садков

доктор экономических наук, профессор
директор научно-консалтингового объединения
«Социальный прогресс страны (СПС)»
(e-mail: guif@ostu.ru)

Марина Мельникова

(Орловский филиал РАНХиГС при Президенте России)
(e-mail: mmn@adm.orel.ru)

О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

В статье констатируется отсутствие в России целостной и эффективной системы антикризисного управления. Предлагаются ключевые положения, определяющие содержание единой многоуровневой системы антикризисного управления и ее ресурсное обеспечение.

Ключевые слова: антикризисное управление, стратегическое программирование, финансовое оздоровление, банкротство, социальное банкротство, экологическое банкротство, полное банкротство, антикризисные программы, государственная и муниципальная собственность.

Многие негативные явления последних двух десятилетий в России, особенно в годы мирового финансового кризиса (2008–2010), в значительной мере обусловлены отсутствием эффективной системы антикризисного управления. До настоящего времени в стране нет целостной системы стратегического программирования, учитывающей особенности рыночных отношений в России, ее общественно-государственного и бюджетно-налогового федерализма. Осуществлявшаяся поддержка банковского сектора, предприятий рыночного сектора и регионально-муниципальных структур была лишена системности и согласованности действий. Отдельные случаи «развязки» накопившихся «узлов проблем» (в некоторых моногородах и районах, например, в Пикалево) сводились к ручному управлению при участии высшего уровня государственной власти.

Необходимое системное и эффективное антикризисное управление отсутствует и на уровне предприятий. Сформированные в свое время органы ФСФО (Федеральной службы по финансовому оздоровлению), упраздненные в настоящее время, превратились в органы по проведению процедур банкротства, а не финансового оздоровления. Надежды на соз-

дание системы саморегулирования в этой сфере в целом так и не оправдались. При этом, несмотря на наличие ряда зарубежных методик для диагностики финансового неблагополучия, эффективные отечественные методики своевременного прогнозирования банкротства для принятия превентивных мер разработаны лишь в эскизной форме и по существу не используются. Не формируется даже комплексная информационно-статистическая база для диагностики, основанная на международных стандартах финансовой отчетности (МСФО).

В связи с этим необходимо отметить, что в научно-методической литературе и в официальных документах имеют место различные определения самого понятия «кризис»¹. В этих определениях нет критериев для установления наличия или отсутствия кризисов.

Не дает ответа на этот вопрос и федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ от 26 октября 2002 г. со всеми его последующими изменениями. Определения понятия «кризис» в этом законе нет вообще, а несостоятельность (банкротство) в нем определяется как «признанная арбитражным судом несостоятельность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнять обязанность по уплате обязательных платежей в течение срока, установленного настоящим законом».

Таким образом, в свете этого закона кризисов, кризисных состояний на предприятиях как бы вовсе не может быть. Конечно, это не так. Предприятие может быть уже в кризисном состоянии, в кризисе, но арбитражным судом еще не признано несостоятельным (банкротом). В российском законодательстве, как и в практической управленческой деятельности пока отсутствуют и нормативно-правовые положения относительно бан-

¹ Например, «кризис – это крайнее обострение внутрипроизводственных и социально-экономических отношений, а также отношений организации с внешнеэкономической средой» (Жарковская Е.П., Бродский Б.Е., Бродский И.Б. Антикризисное управление, М.: Изд-во ОМЕГА – Л, 2011 г., с. 12); «кризисную ситуацию в экономике можно охарактеризовать как ограниченный во времени процесс интенсивного изменения (ухудшения) воспроизводственной функции хозяйствующего субъекта» (Юн Г.Б. Методология антикризисного управления, М.: Изд-во «Дело, 2004. с. 31); «финансовый кризис предприятия представляет собой одну из наиболее серьезных форм нарушений его финансового равновесия, отражающую циклически возникающие на протяжении его жизненного цикла под воздействием разнообразных факторов противоречия между фактическим состоянием его финансового потенциала и необходимым объемом финансовых потребностей, несущую наиболее опасные потенциальные угрозы его функционированию» (Бланк И.А. Антикризисное финансовое управление предприятием, Киев: Изд-во «Ника-Центр, 2006, с. 16); «кризис – это крайнее обострение противоречий в социально-экономической системе (организации), угрожающее ее жизнестойкости в окружающей среде» (Коротков Э.М., Беляев А.А., Валовой Д.В. и др. Антикризисное управление/под ред. Э.М. Короткова, м.: ИНФРА-М, 2001. – с. 17).

кротства регионов и муниципалитетов, хотя очень большое число субъектов Федерации, районов и городов являются дотационными, получая трансферты из вышерасположенных уровней в свои бюджеты в размерах существенно более высоких, чем собственные доходы. Это происходит как из-за передачи на вышестоящие уровни налоговых отчислений и сборов (НДС, таможенные пошлины и т.д.), так и вследствие слабой инициативы регионально-муниципальных властей.

Необходимость введения института банкротства регионов и муниципалитетов подтверждается и тем, что количество регионов-доноров не увеличивается, а уменьшается. По данным за 2012 г., их сейчас не более 11-12 из 83. По муниципалитетам ситуация еще более проблемная, особенно по сельским районам. Проблема эта известна, широко обсуждается, но серьезных решений пока нет. Необходимы же модернизация модели межбюджетных отношений, формирование модели оптимального бюджетно-налогового федерализма.

Предлагаем следующее рабочее определение: *кризис – это такое состояние социально-экономической или экологической системы (предприятия, организации, муниципалитета, региона, страны в целом), при котором ключевые параметры (индикаторы) качества и эффективности ее развития уже вышли за пределы пороговых значений и продолжают ухудшаться (имеют тенденции к дальнейшему ухудшению).*

Необходимо создать комплексную информационно-статистическую базу для своевременной диагностики развития регионов и муниципалитетов. Попытки ее формирования и проведения соответствующих мониторингов предпринимались уже не раз. Так, в 2007, 2008 годах были приняты указы президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» и «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». Этими указами были регламентированы системы показателей, которые, с одной стороны, явно избыточны вследствие огромного количества показателей, а с другой, – не содержали ряда необходимых показателей для оценки конечных результатов и эффективности развития регионов и муниципалитетов. В 2009 г. было принято постановление правительства «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 28 июня 2007 г. № 825» с последующими дополнениями, включая дополнения, внесенные в 2010 году постановлением правительства «О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 15 апреля 2009 г. № 322». Однако и этот документ содержал явно избыточное количество показателей.

В 2012 году был издан еще один указ президента по данной проблематике – «Об оценке эффективности деятельности органов исполнитель-

ной власти субъектов Российской Федерации». Однако предусмотренный этим указом состав показателей для оценки эффективности деятельности региональных органов управления включает всего 11 показателей (это уже другая крайность), причем ряд из них вовсе не характеризует деятельность органов управления субъектами Федерации. По этим показателям невозможна объективная оценка эффективности и, тем более, своевременная диагностика возникновения кризисных состояний.

Вышеизложенное касается лишь исходного этапа антикризисного управления – этапа анализа динамики развития объектов управления и диагностики кризисных явлений. Но необходима целостная система стратегического программирования, включающая следующие этапы процесса управления: оценку приоритетов проблем, формирование взаимоувязанного комплекса целей развития и системы антикризисных мер, обоснование потребностей в ресурсах, формирование оптимальной программы при ограниченных ресурсах, формирование эффективных организационных структур (промышленно-финансовых групп, холдингов, консорциумов, акционерных обществ), формирование систем мотивации, контроля и ответственности.

Очень важно подчеркнуть, что система антикризисных мер на всех уровнях (общефедеральном, региональном, муниципальном, корпоративном) должна исходить из многоуровневой системы стратегического программирования, быть ее составной частью. Причем в программе антикризисных действий должны быть выделены два направления: антикризисная превентивная (предупреждающая, блокирующая возникновение кризисных явлений) целевая программа; целевая антикризисная ликвидационная (направленная уже на устранение, ликвидацию кризисных состояний) программа.

В отличие от банкротства на уровне предприятий, когда оценка и прогнозирование кризисного состояния осуществляется на основе финансово-экономических показателей, оценка кризисности и банкротства регионов, муниципалитетов должна производиться одновременно по экономическим, социальным и экологическим аспектам. В этой связи следует ввести понятия «экономическое банкротство», «социальное банкротство», «экологическое банкротство» и, наконец, «полное банкротство».

Необходима система показателей оценки кризисности. Попытаемся экспертно-логическим путем определить для общефедерального уровня пороговые значения этих показателей для ретроспективного периода (5 лет и 4 квартала за последний год).

Экономические показатели: темпы прироста (снижения) валового выпуска товаров и услуг – 0 %; темпы прироста (снижения) валового внутреннего продукта – 0%; темпы прироста (снижения) доходов консолидированного бюджета – 0%; государственный долг в процентах к

ВВП – 50 %; уровень инновационности экономики – 5% по норме накопления; уровень инвестиционности экономики – 5% по норме накопления; уровень материалоемкости экономики – 0% по темпам снижения; уровень энергоемкости экономики – 0% по темпам снижения.

Социальные показатели: темпы прироста (снижения) безработицы – + 2,5 %; темпы прироста (снижения) среднедушевых доходов – 0%; среднедушевые доходы по отношению к рациональному потребительскому бюджету (РПБ) – 75%; доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения – 20%; децильный коэффициент дифференциации – 15 раз; уровень долгов по выплате заработной платы к среднемесячному необходимому фонду заработной платы – 20%; обеспеченность жильем (общей площадью жилья в расчете на 1 человека) – 10 кв.м/чел.; доля ветхого и аварийного жилья в общей площади жилого фонда – 20%; обеспеченность основными объектами социальной инфраструктуры по сравнению с нормативами обеспеченности (субинтегральный показатель) – 50%; уровень заболеваемости (в соответствии с учитываемым составом заболеваний) – 5% по темпам прироста; уровень смертности – 5% по темпам прироста; уровень рождаемости – 5% по темпам прироста; уровень преступности – 5% по темпам прироста.

Экологические показатели: доля использованных и обезвреженных отходов в процессе производства и потребления к общему объему отходов – 50%; состояние воздушной среды в процентах к ПДК; по учитываемым ингредиентам (субинтегральный показатель) – 65%; состояние и использование водной среды в процентах к ПДК; по учитываемым ингредиентам (субинтегральный показатель) – 65%; состояние и использование земель в процентах к нормативам по учитываемым аспектам (субинтегральный показатель) – 65%; состояние и использование лесов в процентах к нормативам по учитываемым аспектам (субинтегральный показатель) – 65%; уровень радиационного загрязнения в процентах к нормативам – 85%.

Макроинтегральный показатель (индекс) гармоничного развития России – 65% по отношению к лучшей из стран.

Как отмечалось выше, общая оценка кризисности должна проводиться одновременно исходя из экономических, социальных и экологических аспектов. Однако конструирование макроинтегральных критериев в виде (в данном случае – суммы) значений критериев, применяемых для этих аспектов, опасно тем, что плохие оценки по одним локальным показателям компенсируются хорошими значениями по другим. Поэтому, для объективности оценки кризисности следует выделять ряд ключевых показателей опасности. При выходе за порог кризисности хотя бы по одному

такому показателю нужно констатировать наличие кризисности в целом по объекту (процессу).

Напомним, что самое эффективное управление – это управление с предвидением, превентивное управление.

В логико-организационной схеме формирования стратегической антикризисной программы как на общефедеральном, так и на регионально-муниципальном уровнях важнейшим вопросом является взаимодействие властей и бизнеса. Возможности общественно-необходимого воздействия властей всех уровней на бизнес в интересах общества в целом, регионов и муниципалитетов в рыночной экономике определяются составом прямых и косвенных методов государственного регулирования: субвенциальная поддержка приоритетных проектов и предприятий, лицензирование, квотирование, антимонопольное регулирование в соответствии с действующим законодательством, льготы по налогам, льготные кредитные ставки или их субсидирование, предоставление гарантий по кредитам из государственно-муниципальных бюджетов, инвестиционные налоговые кредиты. Конечно, регионально-муниципальные власти в настоящее время почти не имеют собственных финансовых ресурсов для антикризисных программ, для поддержки частного бизнеса и финансового оздоровления проблемных предприятий, действующих на территориях и обеспечивающих занятость граждан. Особенно это касается органов местного самоуправления. И тем не менее, определенные (не обязательно непосредственно финансовые) ресурсы у регионально-муниципальных властей имеются. Это, в том числе, природные ресурсы в собственности регионов и муниципалитетов (земли, лесные ресурсы и др.), земельные участки в населенных пунктах, особенно земельные участки с уже имеющейся инфраструктурой. Особо подчеркнем, что существует проблема определения необходимых и достаточных объемов собственности на природные ресурсы по уровням (федеральный центр, регионы, муниципалитеты). Для этого требуется специальное обоснование. Отметим здесь только то, что объемы природных ресурсов, закрепляемых за различными уровнями государственно-муниципальной иерархии, а внутри каждого уровня – закрепляемых за конкретными административно-территориальными единицами, должны быть прямо пропорциональны разрывам между необходимыми размерами расходов консолидированных бюджетов регионов (и муниципалитетов) и размерами их собственных доходов, формируемых на территориях, без учета трансфертов из бюджетов вышестоящих органов.

Следует также подчеркнуть, что государственно-муниципальная поддержка должна быть строго целевой (субвенциальной), быть ориентирована на конечные результаты в соответствии с моделью ПБОР – программирование и бюджетирование, ориентированное на результат.

Механизмы поддержки бизнеса, если его деятельность соответствует (будет соответствовать) стратегическим приоритетам общества и экономики, в целом имеются. Однако практика показывает, что очень часто имеет место крайняя пассивность и некомпетентность органов власти (в особенности на региональном и муниципальном уровнях) при формировании антикризисных программ. Региональные и муниципальные органы управления почти не принимают участия в процессах диагностики банкротства и финансового оздоровления предприятий. А соответствующим структурам бывшего ФСФО гораздо проще побыстрее распродать все имущество предприятий, получив свой процент от сделок, нежели пытаться заниматься реанимацией предприятий. Бизнес на банкротствах, а не на оздоровлении еще вполне потенциально успешных предприятий, получил очень широкое распространение.

Деятельность арбитражных управляющих в процедурах банкротства част не эффективна. По данным заместителя руководителя Федеральной налоговой службы России (правопреемницы ФСФО), озвученным на юбилейном мероприятии ФНС в ноябре 2012 года, среднегодовая эффективность процедур банкротства в 2011 году составляла 5,4%. Так что из ста предприятий, входящих в процедуры банкротства, 94-95 предприятий не реанимируются. В предшествующие годы эффективность процедур банкротства была еще ниже. Имеют место и ситуации преднамеренного банкротства, рейдерства.

Низкая результативность деятельности по финансовому оздоровлению при проведении процедур банкротства обусловлена и отсутствием надлежащих квалификаций и опытов у многих арбитражных управляющих. Дело в том, что полноценное финансовое оздоровление предприятий требует знаний и умений в части структурной перестройки основных производств, их диверсификации, формирования стратегий инновационного развития предприятий на основе маркетингового прогнозирования существующих и перспективных рынков. А обучение арбитражных управляющих пока в значительной степени остается поверхностным, в основном по дисциплинам, связанным с финансовым менеджментом, правом. Это, безусловно, важно, но реальное оздоровление и предотвращение банкротства только на базе таких компетенций обеспечить невозможно. Необходимы знания, компетенции, опыт в части модернизации основных производств. Следует также отметить, что и состав преподавателей по подготовке арбитражных управляющих часто не обладает необходимыми компетенциями, как в теории, так и на практике.

Таким образом, в целом результаты экономической деятельности предприятий России оставляют желать лучшего. По данным Росстата РФ, динамика удельного веса убыточных организаций (без субъектов малого

предпринимательства) показывает, что около 30% организаций являются убыточными (таблица 1).

Таблица 1

Удельный вес убыточных организаций (%)*

1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
34,2	50,6	50,1	53,2	40,8	39,8	37,9	43,5	43,0
2004	2005	2006	2007	2008	2009		2010	2011
38,1	36,4	32,5	25,5	28,3	32,0		29,9	30,0

*<http://www.gks.ru>

Эффективное антикризисное управление со стороны регионально-муниципальных властей, включая оздоровление проблемных предприятий, требует системного обоснования стратегических приоритетов развития регионов и муниципалитетов.

Состав инвариантных стратегических приоритетов развития видов деятельности и отраслей, независимо от специфики регионов может быть представлен в следующем виде:

- 1) развитие производств, позволяющих получать «мультипликативный» эффект на основе выявления потенциальных «ядер» (точек) роста;
- 2) развитие производств рыноперспективных, рыноконасыщающих высококачественных конкурентоспособных товаров;
- 3) развитие производств, обеспечивающих занятость и создание новых современных рабочих мест;
- 4) развитие бюджетоформирующих производств;
- 5) развитие экологически безопасных производств по выпуску экологически чистой продукции;
- 6) развитие производств высокоэффективной, высококачественной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Далее. Имея представленный состав инвариантных стратегических приоритетов каждый регион и муниципалитет с учетом его специфики должен обосновывать на каждый (как минимум пятилетний) период систему стратегических приоритетных направлений социально-экономического развития с использованием инструментария маркетинга, в том числе – стратегического инновационного маркетинга.

Поддержка бизнеса (как действующего, так и предлагаемого для размещения на территории) должна производиться именно в соответствии с обоснованными приоритетами.

Состав стратегических приоритетов развития промышленного комплекса региона на период до 2020 г. в рамках антикризисной программы на примере Орловской области может быть представлен в следующем виде:

1) углубление переработки продукции агропромышленного комплекса с использованием современных достижений агробиологии, гигиены питания и создание сети малых перерабатывающих предприятий непосредственно в местах выращивания сельхозпродукции;

2) развитие машиностроения для отечественной легкой, пищевой и иной перерабатывающей промышленности с особым выделением «минитехнологий» для малых предприятий;

3) развитие производства оборудования и материалов для программы индивидуального жилищного строительства (в том числе программы «Славянские корни»);

4) развитие производства отечественной бытовой техники и мебели;

5) развитие производства приборов и оборудования для медицины, коммунально-бытовой сферы, нефтегазового комплекса, мониторинга окружающей среды;

6) развитие коммунально-дорожного и погрузочно-транспортного машиностроения (в т.ч. минимашиностроения для жилищно-коммунального хозяйства);

7) развитие фармацевтической промышленности на естественно-природной основе;

8) развитие машиностроения для малой энергетики; производство энергосберегающего оборудования и приборов;

9) развитие производства отдельных видов импортозамещающей продукции электронной промышленности.

Очевидно, что для более далекого горизонта спектр приоритетов будет корректироваться с учетом изменений социально-экономической и экологической обстановки.

Региональная наука и конструкторско-технологическая деятельность должны одновременно обеспечивать как общефедеральные потребности, так и быть нацеленной на решение проблем регионов.

Стратегические приоритеты развития региона, обоснованные научно-экспертной общественностью, региональными властями и представителями бизнеса, должны являться исходной базой для формирования стратегической антикризисной программы, целевой поддержки бизнеса и конкретных инновационно-инвестиционных проектов, финансового оздоровления потенциально перспективных предприятий, формирования инновационно-производственных кластеров. Конечно, в данном случае поддержка должна оказываться предприятиям, продукция которых будет пользоваться по маркетинговым прогнозам устойчивым спросом на внут-

реннем и (или) внешних рынках. В финансовом оздоровлении таких предприятий регионально-муниципальные власти должны принимать самое активное участие совместно с арбитражными управляющими. Более того, персональный состав арбитражных управляющих по предприятиям, входящим в процедуры банкротства, должен подбираться и утверждаться на основе совместных решений саморегулируемых организаций по финансовому оздоровлению и регионально-муниципальных властей, что требует определенной корректировки действующей нормативно-правовой базы.

Конечно, обеспечение необходимого целевого воздействия регионально-муниципальных властей на деятельность предприятий, находящихся на 100% в частной собственности, является наиболее сложной задачей. Для этого следует развивать и повышать эффективность социального партнерства¹. В трехсторонних соглашениях «правительство – бизнес – профсоюзы», являющихся основой института социального партнерства, должны быть зафиксированы взаимные обязательства сторон, включая размеры и структуру долевого вклада предприятий частного бизнеса в социально-экономическое и экологическое развитие территорий, дислокации предприятий, в дополнение к регламентным налоговым платежам в регионально-муниципальные бюджеты. Объективно необходимые, с точки зрения комплексного развития регионов и муниципалитетов, размеры долевого вклада в социальную инфраструктуру должны оцениваться исходя из дефицитов соответствующих объектов социальной сферы, дефицитов регионально-муниципальных бюджетов и пропорционально численности занятых на предприятиях, дислоцированных на территории.

В обобщенном виде, с нашей точки зрения, можно выделить несколько моделей (схем) взаимодействия бизнеса и властей в развитии и функционировании регионов и муниципалитетов:

- модель обязательно-минимального участия бизнеса в ресурсном обеспечении регионов и муниципалитетов;
- модель обязательно-добровольного ресурсообеспечения территории на базе общенационального института социального партнерства;
- модель обязательно-добровольного ресурсообеспечения территории на базе совмещения общенационального и дополнительного регионально-муниципального партнерства;

¹ См. подробнее: Садков В.Г., Кузнецова О.Б., Старикова Л.И. Становление, проблемы и повышение общественно-экономической эффективности института социального партнерства в регионах России // Национальные интересы: проблемы и безопасность, 2012, № 5 (145). С. 7-15; Садков В., Кузнецова О. О модели социального партнерства в регионах России // Общество и экономика, 2007, № 4. С. 124-132.

- модель обязательно-добровольного ресурсобеспечения территорий на базе общепринятого социального партнерства и субъектно-персонифицированного спонсорства (финансовые и иные вложения в детские дома, школы, хосписы, помощь конкретным лицам и т.д.);

- модель ресурсобеспечения регионов и муниципалитетов бизнесом по образцу Чукотки, г. Пикалево и др.

Первая модель – модель «минимально-обязательного» вклада бизнеса в развитие и функционирование территорий основана на регламентной уплате налогов на все уровни (федеральный центр, регионы, муниципалитеты) в соответствии с действующим законодательством: так сказать, «заплати налоги – и спи спокойно». А вот остальные модели предполагают дополнительное, в разной степени, участие бизнеса в развитии и текущей жизнедеятельности регионов и муниципалитетов на основе согласования целей общества в целом, регионально-муниципальной общественности и бизнеса.

Согласование целей может производиться различными методами и механизмами.

Выбор модели взаимодействия властей всех уровней и бизнеса из числа вышеназванных моделей определяется прежде всего степенью динамичности общественно-экономического развития (переходная, нестабильная экономика или стабильно-устойчивая, «установившаяся экономика») и особенностями регионов и муниципалитетов (многопрофильный, многоотраслевой, «старый» регион, муниципалитет или развивающийся регион (муниципалитет) в зоне освоения природных ресурсов; многопрофильный город или моногород).

Для стабильной, устойчиво развивающейся экономики приемлемой и рекомендуемой моделью взаимодействия власти и бизнеса является первая модель. В данном случае согласование интересов, целей и задач властей и бизнеса может обеспечиваться в основном путем выплат налогов по уровням (федерация, регионы, муниципалитеты) в соответствии с действующим законодательством. При этом, конечно, предполагается, что уровень налоговой нагрузки на бизнес, распределения налогов по уровням должен быть «необходимым и достаточным» с точки зрения одновременно как властей, так и бизнеса. Для этого необходимо уметь обосновывать эти «необходимые и достаточные» потребности властей всех уровней в финансовых ресурсах за счет налоговых доходов для обеспечения не только простого, но и расширенного воспроизводства страны, регионов, местных сообществ. Отметим, в порядке справки, что установившийся в настоящее время уровень налоговой нагрузки в целом

по России на уровне, не превышающем 40% к ВВП в основном соответствует этому требованию. Он даже ниже, чем в ряде скандинавских стран с социально-демократической моделью общества и экономики.

Совсем другая ситуация имеет место, если рассматривать уровни регионов и муниципалитетов. Здесь ситуация кардинально иная.

В стране в настоящее время лишь в немногих регионах и муниципалитетах, обладающих высоким налоговым потенциалом (добывающие и высокоразвитые регионы), может быть взята за основу только первая модель. Для остальных регионов, где экономический потенциал недостаточен и при этом финансовые потоки на основе действующей схемы отчислений налогов в федеральный центр «уходят» на федеральный уровень, должны использоваться в разной степени все остальные из перечисленных типов взаимоотношений властей и бизнеса. Вклад бизнеса в социально-экономическое развитие регионов и муниципалитетов должен заключаться не только в уплате налогов в соответствии с действующим законодательством. А обоснование необходимых и достаточных размеров вклада предприятий в социально-экономическое и экологическое развитие территорий требует разработки особого алгоритма.

Безусловно, в рыночной экономике оценки необходимого и достаточного вклада не могут быть «директивами», они являются «индикаторами», ориентирами для согласования целей общества и бизнеса, для характеристики объективной ситуации в регионе, муниципалитете при переговорах сторон. Такие индикативные оценки необходимого и достаточного долевого вклада бизнеса в социально-экономическое и экологическое развитие территорий должны согласовываться на основе института социального партнерства – в трехсторонних соглашениях власти, профсоюзов, бизнеса. Одновременно должны согласовываться и ориентиры средней и минимальной заработной платы в регионе на основе расчетов рациональных и минимальных потребительских бюджетов.

Особенно актуально обеспечение эффективного взаимодействия властей всех уровней с бизнесом для моногородов. Стратегическим направлением решения проблем моногородов является структурная перестройка их экономики, диверсификация производств, поддержка малого бизнеса. Однако это требует огромных усилий и значительного времени. Здесь необходимы синхронные действия федерального центра, регионально-муниципальных властей и бизнеса.

При этом действия федеральных властей должны включать как минимум следующие ключевые меры. Госзаказы для действующих градооб-

разующих предприятий должны быть «привязаны» к конкретному городу. для чего необходимо внести коррективы в действующее законодательство о госзакупках. Следует выделить зоны (моногорода) для приоритетного размещения заказов и строительства новых предприятий, где действующие крупные межрегиональные компании могут на льготных условиях организовывать деятельность своих дочерних структур. (Либо наоборот: следует выделить зоны (и даже целые регионы), где ввести полные запреты на размещение и заказов и новых предприятий по различного рода основаниям (экологическим, вследствие перенасыщенности производствами и т.д.) Следует совместно с региональными и муниципальными властями ввести дополнительные мотивационные механизмы для диверсификации производства, поддержки малого бизнеса, прежде всего – инновационно-производственного малого бизнеса. Для поддержки моногородов-наукоградов следует обеспечивать и стимулировать размещение предприятий наукоемкого инновационного бизнеса в разных городах, даже в рамках программы типа «Сколково», организуя взаимодействие территориально-распределенных предприятий с центром и между собой в сетевом дистанционном режиме. При этом необходима федерально-региональная антикризисная программа поддержки и развития моногородов России, причем желательно – президентского статуса.
